

Ли Юань в конце концов не пошла с нами ужинать.

Она, словно суетливая рабочая пчела, вилась вокруг своей «пчелиной матки» — Ли Чжи, бормоча себе под нос что-то вроде: «Нужно проследить, чтобы он допил суп, а то у него опять желудок заболит».

В итоге по дороге в столовую остались только я и Чжун Цзинь.

Атмосфера неизбежно оказалась слегка неловкой. Мы шли бок о бок, выдерживая между собой какую-то неуловимую дистанцию, и наши шаги гулко отдавались под сводами пустого коридора.

— Что ты хочешь поесть? — пытаюсь нарушить молчание, повернулся ко мне Чжун Цзинь.

Заходящее солнце пробивалось сквозь окно в конце коридора, бросая на его лицо причудливую смесь света и тени.

— Всё равно, мне без разницы.

Ответила я тихо, думая вовсе не об ужине.

Эта незнакомая обстановка, эти странные одноклассники и сидящий рядом «старый знакомый», который знал обо мне всё, но при этом вызывал ощущение какой-то отчужденности, — всё это не давало мне покоя.

— Тогда... поедим нормально? Комплексный обед на первом этаже третьего зала, там вполне недорого, — предложил он, и в его тоне звучала осторожность, словно он пытался угадать мои чувства.

— Хорошо.

Я кивнула, не возражая.

Третья столовая находилась недалеко от учебного корпуса и представляла собой здание с налётом старины.

Стоило шагнуть на первый этаж, как в лицо пахнуло волной тепла, в которой смешались запахи еды и хлорки.

Хотя час пик уже миновал, в просторном зале всё еще оставалось немало учеников.

Чжун Цзинь с привычной легкостью привел меня к одному из окошек с раздачей.

Прейскурант над окошком гласил: одно мясное и три овощных блюда — 6 юаней; два мясных и два овощных — 10 юаней.

Такие низкие цены меня даже немного удивили.

— Рис бесплатный, — заметив мое замешательство, пояснил Чжун Цзинь, подхватывая поднос. — Говорят, кто-то из выпускников пожертвовал крупную сумму специально на субсидирование риса в нашей школьной столовой — это вроде льготы. В двух других столовых, которые находятся на аутсорсе, такого нет.

Я молча зафиксировала эту информацию, мысленно признавая, что в этой престижной школе и правда всё устроено по-особенному.

Я последовала за ним, копируя его движения: взяла поднос, выбрала еду.

Блюда на вид казались вполне аппетитными, но у меня совсем не было аппетита, поэтому я наугад тыкнула пальцем в жареное мясо и два овощных блюда.

Женщина на раздаче действовала ловко и умело, шлепнув мне на тарелку полную ложку.

Затем последовал бесплатный суп — суп с водорослями и яйцом, жидковатый и пустой, но шедший клубами пара.

Мы с подносами в руках отыскивали столик у окна в относительно тихой части зала.

Послеполуденное солнце косыми лучами проникало внутрь, оставляя теплые пятна света на столе, застеленном клеенкой.

В столовой стоял гул голосов, но наш уголок находился в стороне, так что здесь было относительно тихо.

— Ну что... ты уже примерно в курсе ситуации в классе? — Чжун Цзинь повозил палочками в рисе, непринужденно завязывая разговор.

Он не поднимал на меня глаз, словно это была самая обычная беседа за едой.

Я на мгновение растерялась, не ожидая от него такой прямоты.

— Ну... Ли Юань кое-что рассказала, — честно ответила я, вспоминая ее громкие, наполовину

правдивые, наполовину выдуманные «просветительские речи».

— Тоже верно, — Чжун Цзинь кивнул, и уголки его губ тронула улыбка легкой беспомощности.
— С ее-то характером она ничего не может утаить, да еще и болтлива донельзя. Ты сидишь позади нее, да к тому же за одной партой с Ли Чжи, так что ей было бы трудно с тобой не заговорить.

В его голосе не слышалось осуждения, скорее — понимание характера старой знакомой и снисходительность к нему.

— Вы... похоже, все очень близки? — не выдержала я, озвучивая терзавшее меня сомнение.

Ли Юань, Ли Чжи, Чжун Цзинь — их непринужденное и близкое общение явно не выглядело так, будто они познакомились день или два назад.

Чжун Цзинь подцепил палочками кусочек мяса, отправил его в рот, тщательно прожевал, проглотил и только после этого произвел:

— Познакомились раньше, когда участвовали в сборах для математической олимпиады. Они оба из столичной привязанной к университету А школы, тогда...

Он замолк, его взгляд на миг затуманился, словно он погрузился в воспоминания:

— Ли Чжи тогда был невероятно силен.

В его тоне прозвучала неуловимая нотка ностальгии и даже легкое сожаление.

— А-а, понятно.

Я выразила понимание. Большинство тех, кто попал в этот класс повторного обучения, обладали определенными навыками, не говоря уже о тех, кто участвовал в олимпиадах.

— Тогда... раз вы такие крутые, почему снова пришли на переподготовку? Разве столичные школы для повторного обучения не лучше?

Этот вопрос давно вертелся у меня в голове. С их базой, даже если на прошлых экзаменах они оплошали, поступить на неплохой бакалавриат не составило бы особого труда — к чему обрекать себя еще на год таких мук?

Выражение лица Чжун Цзиня померкло, он легонько потыкал палочками в рис и ответил бесстрастным голосом:

— У меня дома возникли кое-какие дела, так что мне придётся ждать год-два. Ли Юань пришла, потому что пришел Ли Чжи, вот она и увязалась за ним. А Ли Чжи... из-за душевной болезни.

Его ответ прозвучал лаконично, но информации в нем содержалось в избытке.

— Душевной болезни? — мое любопытство только возросло.

За исключением своей невероятной способности спать, Ли Чжи не казался каким-то больным.

— Угу, — отозвался Чжун Цзинь, но развивать тему не стал, а вместо этого резко сменил курс:
— В классе есть еще один человек, который пришел сюда из-за меня. Держись от нее подальше.

— Из-за тебя? — я удивленно подняла голову.

— Да, — ответил он предельно прямо, даже как-то холодно. — Я ей нравюсь, но она мне — нет.

Столь откровенное обсуждение чужих чувств, особенно безответной страсти, на пару секунд лишило меня дара речи.

Воздух будто сгустился. Я осторожно переспросила:

— И... кто же это?

Чжун Цзинь поднял глаза, посмотрел на меня сложным взглядом, после чего снова опустил голову и тихо произнес:

— М-м... Обсуждать людей за глаза нехорошо.

Он ловко уклонился от ответа.

Я благоразумно не стала допытываться дальше и переключила свое любопытство на Ли Чжи:

— Ну а... что всё-таки с душевной болезнью Ли Чжи?

Фраза Ли Юань про «брата-инвалида» и только что упомянутая Чжун Цзинем «душевная боль» цепляли мой интерес, словно крючки.

Услышав это, Чжун Цзинь неожиданно легко усмехнулся, покачал головой, и на его лице

появилось выражение глубокомысленной скрытности:

— О таком я распространяться не смею. Хочу пожить еще пару лет, а не быть убитым Ли Юань.

Помолчав, он добавил:

— Когда он сам захочет рассказать или... Ли Юань не выдержит и проболтается, ты всё узнаешь сама.

Его молчание лишь сильнее окутало Ли Чжи ореолом тайности.

У этого соседа по парте, который целыми днями спал, похоже, имелось какое-то скрытое от всех прошлое.

Наш разговор снова погрузился в короткое молчание.

— А ты меня не спросишь?

— Разве ты не говорил, что у тебя дела дома?

— Верно.

Я лишь уткнулась в еду, которая казалась совершенно пресной, а в голове тем временем крутила только что полученную информацию: гений олимпиад, душевная травма, привязанность из-за чувств... Этот класс повторного обучения и впрямь оказался полон талантов — или, вернее сказать, различных историй.

В этот момент Чжун Цзинь внезапно поднял голову, перевел взгляд через мое плечо куда-то в сторону выхода из столовой.

Его глаза едва заметно дрогнули, и на тщательно поддерживаемом спокойном лице проступила крошечная трещина.

Он глянул мне за спину, изобразив какую-то официальную, но отличающуюся от прежних улыбку, а затем понизил голос и почти шепотом произнес:

— Ну вот, та самая особа, которая тебе интересна... та самая девочка, что пришла сюда ради меня, появилась.

Я инстинктивно обернулась.

У входа в столовую, против света, стояла девушка.

На ней была такая же бело-синяя школьная форма, фигура стройная и пропорциональная, а волосы собраны в аккуратный конский хвост, открывая гладкий лоб и изящную шею.

У нее были красивые черты лица — не ослепительной красоты, но исполненные интеллигентной прелести и умиротворения.

Кажется, она только что вошла, ее взгляд скользнул по столовой и наконец остановился на нашем столике.

На ее губах расцвела легкая, но совершенно естественная улыбка, она подняла руку и легонько помахала нам — или, скорее, сидящему напротив меня Чжун Цзиню.

Солнечные лучи очерчивали ее силуэт, а улыбка казалась чистой и теплой.

Затем она зашагала к нашему столу — легкой, но уверенной походкой.

По мере ее приближения я смогла получше рассмотреть ее лицо: чистые брови и глаза, прямой изящный нос, слегка вздернутые уголки губ, таявшие врожденную улыбку.

Подойдя к нашему столу, она сначала улыбнулась Чжун Цзиню, затем перевела взгляд на меня — в ее глазах читалось дружелюбное любопытство, а голос звучал звонко и приятно:

— Это ведь Муму? Привет, я Су Цзинь.

<http://bllate.org/book/19329/1890397>